

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ПОСЛЕ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Разработка серийного оформления — *Дмитрий Сазонов*
Иллюстрация на переплете — *Олег Юдин*

Круз, Андрей.

К84 После / Андрей Круз. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Боевая фантастика Андрея Круза).

ISBN 978-5-04-190963-5

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как мир разрушила ядерная война. От страны остались лишь осколки, все крупные города и промышленные центры лежат в развалинах. Остатки центральной власти не в силах поддерживать порядок на огромной территории. Теперь это личное дело тех, кто выжил. Но выживали все по-разному. Кто-то объединялся с другими, а кто-то за счет других, превратившись в опасных хищников. И есть люди, посвятившие себя борьбе с такими. Они готовы идти до конца, чтобы у человечества появился шанс построить мирную жизнь заново.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Круз А., Круз М., текст, 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-190963-5

Предисловие

Я не хотел писать предисловие, чуть раскрывая сюжет, но выложенная в открытый доступ часть текста вызвала так много споров, что я все же вынужден предварить книгу этим коротким текстом.

Действие в романе происходит через пятнадцать лет после ядерной войны. Не тотальной войны, стороны не выпустили друг в друга весь арсенал, но все же того, что вылетело, хватило для почти полного разрушения инфраструктуры и, как следствие, нанесения чудовищных потерь. Однако в этой книге не будет ни навечно зараженной земли, ни двухголовых мутантов и «чудовищ ядерных пустошей», а также злодеев в шипах и коже в стиле «Безумного Макса» или игры «Фоллаут». Почему? Да просто потому, что хоть эта книга и фантастика, но все же не настолько.

Наиболее наглядным примером местности после ядерных ударов является полигон на Новой Земле, где было произведено за довольно короткий отрезок времени множество ядерных взрывов, включая наземные и огромной мощности. В результате зоны долгосрочного заражения местности изотопами с длительным периодом полураспада заняли не больше шести квадратных километров, в районе четырех наземных взрывов. На всей остальной территории

полигона даже в разгар периода испытаний радиационный фон был в рамках допустимого. Шлейф растянулся на тысячи километров, но в результате этого концентрация радиоактивных осадков была настолько низка, что в местах их выпадения фон также не превысил допустимый.

Чернобыль? Чернобыль выбросил в тысячи раз больше радиоактивного дерьма, чем любой ядерный взрыв. При взрыве используется куда меньше материала, и он банально сгорает. Во время же аварии на АЭС по факту «сорвало крышку с кастрюли» и механически разбросало содержимое. То есть моделью ядерной войны чернобыльская зона или та же Фукусима никак служить не может, они модели аварии на реакторе и ничего больше.

Зато она начисто опровергает другой миф — о мутантах. На территории зоны живут самые обычные животные, и вообще, в силу закрытости, там полный расцвет флоры и фауны. Мутации в подавляющем большинстве случаев ведут к смерти мутанта, это уродство, а не усовершенствование. Те самые первые безглазые рыбы в Припяти вымерли еще в первый год, больше их никто не видел.

Вечная ядерная зима? Тоже не получается. Накопление углекислоты и выбросы сажи приведут к потеплению после не слишком долгого холодного периода. Климат станет более влажным, немного теплей, чем раньше, вот и все. Так что постъядерный мир будет просто миром разрушенным, не более. Остальные подробности в тексте.

В кузове трясло, громыхали дощатые борта, мелкий дождь барабанил по брезентовому протекающему тенту. От мешков с картошкой, лежавших навалом впереди, пахло землей и сыростью. Дорога долгая, ехали уже пятый час, поэтому тянуло в сон, но уснуть тоже не получится из-за болтанки. Да и не стоит спать, потому что со мной в кузове еще четверо попутчиков, и никого из них я не знаю. Поосторожней лучше быть. Метрах в двадцати за нами еще машина, «зиллок» с голубой кабиной и когда-то белой, но теперь грязной и покрытой пятнами ржавчины решеткой. Время от времени было слышно, как вздыхают его пневматические тормоза. За нами оставалась полоса разбитого шоссе, сейчас больше состоящая из ям и колдобин, чем из остатков асфальта. За «зилком» еще машина, такой же «газон», как и у нас, с кабиной, грубо выкрашенной кистью в серый цвет, и треснутым лобовым стеклом.

— Слышь, друг, курить не дашь? — в очередной уже раз просил меня сосед, худосочный мужик лет под сорок, одетый в брезентовую штормовку поверх свитера.

Он то у меня стрельнет, то у других, так и едет. Правда, сам яблоками всех угостил. Хорошими ябло-

ками, зелеными и кисловатыми, какие как раз и люблю. Я вытащил из кармана куртки штампованный портсигар, протянул ему, откинув крышку. Тот худыми пальцами выудил оттуда папиросу, смял мундштук, щелкнул бензиновой зажигалкой с крышкой.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Тут машину тряхнуло особенно сильно, так что я портсигар чуть не выронил. Пожалуй что и сам закурю. Сколько еще ехать? Я глянул на часы, прикинул — не меньше часа еще, но большая часть пути позади. «Стрелок», увидев, что я сам курить собрался, щелкнул зажигалкой, поднес огня, прикрыв его ладонью с татуировкой. Якорь у него там, может, даже служил на флоте до Этого Самого.

— Откуда ты сам? — спросил «матрос».

— Издалека, — не стал я излагать подробности. — Сам местный?

— Почти. Пять лет в Торжке.

— Чем занимаешься?

— Механик я. И всякое, — он неопределенно махнул рукой с папиросой. — Починить, поделать.

— А что из дома носило?

— Да так, закупились всяким. Наша машина впереди идет, тут просто сидеть удобней, на картошке-то, — он постучал по мешку, на который опирался. — Доедем уже скоро, вон на Золотиху поворот был уже. А к нам по делу?

— Да вроде бы. — Я затянулся, выпустил дым. — Остановиться-то есть где у вас?

— Гостиница есть. Можно комнату снять. Соседка у меня сдает, бывает. Знаешь город?

— Нет, откуда? Я в первый раз.

— На Белинского это, почти центр, считай. Надолго?

— Сам не знаю, как получится. Может, и надолго.

— Занимаешься чем по жизни?

— В охране работал, — приврал я на всякий случай. — Теперь все, больше не работаю.

— Новое место ищешь или что?

— Почти что. Там видно будет.

— У меня зять в охране обозов работал, — вступила в разговор грузная тетка, сидевшая у противоположного борта. — Убили три года назад. Тут как раз, у Лихославля.

Сидевший рядом с ней мелкий мужичок с заросшей длинной щетиной физиономией кивнул, не сказав ни слова. Точно муж с женой.

— Бандитов у вас много тут?

— Да кто их знает? Бандитствуют. Всякой сволочи хватает.

— Но в городе тихо, — добавил «матрос». — И рядом. Нормально у нас.

Разговор как-то сам по себе увял. Всех уже растрясло, все устали от долгой дороги. Колонна продолжала вилять между ям, расплескивая грязную воду из-под колес, громыхали борта кузовов. Серое небо, серый дождь, зеленый лиственный лес по сторонам дороги.

Папироса докурилась до мундштука, я выбросил ее за борт, в грязь. Как ни ворочаюсь на сложенной плащ-палатке, а все равно задницу отсидел давно. И так сядешь, и эдак, и ногу под себя подложишь, но доски и есть доски, мягкости в них никакой. И это если бы я так первый день ехал, а ведь уже неделю мыкаюсь. Доедешь докуда-то, а там очередного обоза или попутки ждешь. Но просто попутки случайных

людей брать не любят. И в кузовах ехал, и на телегах, и даже раз под дождем на прицепе-платформе катил. И вот доехал вроде бы. Почти.

Оперся на левую руку, меняя положение, в плечо отдало болью. Новая напасть, в последний год началась. Болит плечо, несильно, но тупо и постоянно, немеет сама рука. Назад ее завести уже не получается, даже чтобы себе спину почесать. Спрашивал у врача, что это такое, тот плечами пожал, сунул какую-то мазь. Даже не знаю, действует мазь или нет, да и заканчивается уже. Пробую разминать каждый день, но опять не знаю, помогает или нет. Старею. Была бы жизнь получше, может, и старел бы не так быстро, но «лучше» уже нет. Не про нас это самое «лучше». С Этого Самого осталось только «похуже» и «совсем никуда».

Лес сменился ржаными полями, навстречу прошла пара грузовиков, а потом, переваливаясь по кочкам, прокатил обшарпанный «Москвич». Ближе к Торжку уже, похоже. Пару деревень проехали, пустых и разоренных. Почти не живут люди в деревнях теперь, к городам жмутся, безопасней в них. Разве совсем в глуши, где и городов близко нет и куда всякой сволочи специально забираться лень. Мы вот тоже городком жили, а вокруг пустота, леса да поля.

Слышно было, как машина во главе колонны забибикала. Увидел кого или подъехали? Из-под тента ни черта не видно вперед, так и разглядываю морду идущего следом «ЗИЛа». Подъехали, похоже, скорость скинули, машины сзади почти вплотную подтянулись. Шофер «зилка», молодой парень в серой спецовке, перехватив мой взгляд, большой палец по-

казал. Ну да, ему радость, работа опасная, а теперь он на месте и отдых впереди.

Вот наш «газон» чуть трягнуло, проехали блок, затем справа показались кирпичные пятиэтажки нежилого вида, разве что на крыше одной разглядел мешки с землей и наблюдателей под навесом. Тут нас остановили, в голове колонны послышались голоса, а затем кто-то загорланил в мегафон, обращаясь уже ко всем, да так, что ни слова не понятно. Но «матрос» сказал:

— Проверка сейчас будет. От автомата, если есть, магазин отстегнуть и патрон из ствола, только так в городе и носить. Если пистолет есть, то тоже разряди.

Сам он сноровисто откинул щелкнувший пружинной магазин своего «СКС», высыпал патроны в ладонь, выбросил тот, что в стволе, а потом, выгачив из кармана обойму, взялся этими патронами ее заполнять. Ну что, у нас такие же правила, так что и удивляться нечему. Я отстегнул от автомата магазин, выбросил патрон из патронника, убрал все в подсумок. Полез под куртку, выгачил из оперативки «ТТ», разрядил. А потом из внутреннего кармана достал документы, завернутые в потрепанный полиэтиленовый пакет, приготовил к проверке.

Минут через десять проверка подошла к нашему «газончику». По званиям и не поймешь кто, все в караульных плащах от дождя, какой-то командир — мужик средних лет с усами щеткой, с ним двое бойцов с автоматами, помоложе оба. Заглянули в кузов, потом старший сказал:

— Сначала местные, потом приезжие. Документы готовим, пожалуйста.

Кроме меня все местными оказались, «матрос» так еще и поздоровался со старшим патруля. Их проверили быстро, потом до меня очередь дошла. Усатый взял паспорт, покрутил в руках зачем-то, затем открыл.

— Бережных Сергей Павлович... Грязовец... Вологодской области. Издалека к нам, — он даже хмыкнул удивленно. — С какой целью?

— Транзит скорее. Дальше попутки искать буду.

Раз я проездом, то и любопытства немного. А я пока и сам не знаю. Усатый вернул мне паспорт, затем сказал:

— Оружие есть? В городской черте носить без магазина и патрона в стволе.

— Просветили уже, спасибо.

— Да на здоровье. На КПП еще запишитесь и дозиметристов пройдите. Лучше сейчас вперед идите, как раз успеете, куда машины проверяют. Все, пошли дальше, — скомандовал он своим.

Везде одно и то же, так что даже подсказывать не нужно. «Матрос», видя, что я собираюсь лезть за рюкзаком, сказал, сидя на краю борта:

— Тут оставь, никто уже не сопрет. После КПП снова приглядывай. — Он усмехнулся. — Там опять подсядешь.

По-быстрому мой мешок обшарить любой запросто сможет, но, сам не знаю почему, сделал, как он сказал, махнул рукой, да и пошел вперед, к железным воротам, встроенным в стену ежей, и пристройке к ним из серого силикатного кирпича.

Прошел всю колонну, пять грузовиков, «Ниву», «уазик» и старенький БТР-40 охраны, возле которого курили и разминали ноги трое солдат.

У дверей собралась небольшая очередь из таких же приезжих — как я. Четверо, если точно, три мужика, явно одна компания, и довольно молодая, лет тридцати, женщина, худая, с короткой стрижкой и глубоким шрамом справа, рассекающим скулу сверху вниз, а на половине лица почти уже стершиеся следы старого ожога. Почему-то подумалось, что это *тогда* ее. Сколько ей *тогда* было? Лет пятнадцать?

Никто не разговаривал, двое курили, встав под грибок. В дверь, открывая ее изнутри, запускали по одному, только сначала боец проверял каждого на «свечение». Но дураки давно вымерли, а люди научились не лезть, куда не надо, так что все были в норме.

В будке КПП тоже все как обычно. Какая-то женщина в платке и ватнике взяла у меня паспорт, переписала данные в амбарную книгу, потом выписала временный пропуск.

— На выезде сдать надо, — пояснила она. — На неделю он, потом в комендатуру, если задержитесь.

— Понял, спасибо.

Я убрал квиточек из серой бумаги в пакет вместе с паспортом, а потом, аккуратно завернув, сунул все во внутренний карман куртки.

Снова ожидание в той же компании, но уже по другую сторону ворот. Машины пропускали быстро, разве что у «колуна», в котором, как оказалось, эти трое мужиков и ехали, задержались дольше — приездие. Но тоже пропустили, а следом и наш «газон».

— Залезай, на тот берег с нами доедешь, — позвал «матрос».

Я вскарабкался в кузов, покосился на свой рюкзак — не трогал его никто, похоже. Как промят моей спиной и в угол втиснут, так все и осталось.

— Так где тут ночлег найти можно?

— Я же сказал, соседка сдает. Нам разгрузиться надо, потом домой пойду, ты со мной можешь. По-знакомлю. Сашей меня зовут, если что. — Он протянул руку с якорем.

— Сергей. Будем знакомы.

Вскоре колонна тронулась снова. Опять пятиэтажки, на этот раз жилые. Из окон трубы буржук, стены закопчены, прямо у домов кучи угля. И городская жизнь уже видна, по грязным обочинам люди идут, телеги и машины едут. Почти все эти городки в средней полосе друг на друга похожи так, что и не отличишь. И жизнь везде одинаковая, ну, почти одинаковая. Вышний Волочек, что тут же, в Калининской области, он другой, такие тоже есть, но вот таких, как Торжок, все же большинство. Поездил, пришлось посмотреть. Сбиваются люди в уцелевшие места, огораживаются, принимают над собой власть, в надежде, что та их защитит и позволит выживать дальше хоть немного спокойней. И да, в основном получается. Я сам кусочек такой вот власти, пусть и отколотый уже, как щепка от бревна, поплывшая по течению куда несет.

— На Володарского едем, к самому рынку, — вдруг пояснил наш маршрут Саня. — У нас там гараж, ма-стрячим всякое. Если чё, можешь в гостиничку, у рынка есть, но там больше денег оставишь. В столовку сходи, пожуй чего-нибудь, а я подойду, и дви-нем дальше. Нормально так?

— Да нормально, — кивнул я. — Спасибо.

— Эти картошку везут, им как раз на базар. — Саша постучал по мешкам. — Дай еще папироску, а?

Я повернулся к рюкзаку, вытащил из кармана пачку папирос, протянул ему.

— Держи.

— Да я куплю, не вопрос, просто сейчас нет. Одну дай.

— Как хочешь. — Я полез за портсигаром.

Сначала где-то высадили тетку с мужем, что с нами ехали, затем и колонна начала разъезжаться в разные стороны, а бронетранспортер так и вовсе сразу за КПП в сторону свернул, тут охранять никого не надо. Только «сто тридцатый» ехал следом, в нем как раз весь товар Саши и его коллег и лежал. Там в кабине еще трое сидели. Потом мы свернули к каким-то воротам, и голос водителя «газона» скормандовал:

— Санек! И пассажир! Вылезай, мы приехали.

— Давай, выходим, нам чуть дальше.

«ЗИЛ» и вправду объехал нас, расплескав колесами широкую мутную лужу, и покатил дальше. Я выбрался, Саша поочередно подал мне рюкзак, который я сразу накинул на плечи, автомат, винтовочный чехол. Вот и все мое имущество, собственно говоря. Все, что от него осталось. Затем он и сам спрыгнул, с собой у него только рюкзачок небольшой да карабин. «Газон» сразу же фыркнул двигателем и поехал на рынок, в распахнутые дощатые ворота.

— Гля сюда, — Саша показал пальцем на двухэтажный барак из неизменного серого кирпича, на этот кирпич и похожий, — гостиничка это. А прямо за ней столовка. Там нормально, могут и налить, если чего. А как разгрузимся, так я за тобой и зайду. Лады? — протянул он руку.

— Лады, Саш, спасибо.

Луж было немного, почва тут больше песчаная, так что потопал я по обочине дальше. У входа в гостини-

цу две машины стоят — «уазик» и белая «копейка». За гостиницей потянулся полузаваленный деревянный забор, который уперся в еще один двухэтажный барак, на этот раз деревянный. И над крыльцом того обнаружилась вывеска «Столовая». Поднявшись на гулкое деревянное крыльцо, я потянул обитую дверь на тугой пружине, зашел внутрь.

Раньше это место столовой не было, но вот мебель в нем столовая точно. Стулья трубчатые с крашеными фанерными сиденьями и спинками, столешницы из покрытой пластиком ДСП с обгрызенными краями. Столов с десятков, занято сейчас только два. За одним два мужика в гражданском, но с красными повязками «Милиция» на рукавах, обедают с компотом, за другим столом поддатая компания, два мужика и женщина, у тех еще и водки бутылка стоит. Кухня отгорожена стойкой-доской, оттуда варевом пахнет, тут же есть захотелось. Но за стойкой никого.

— Покушать или так зашел? — Из двери сбоку вышел тучный немолодой мужик в белом переднике, вытирающий руки полотенцем.

— Поел бы, — улыбнулся я ему. — Чем покормишь?

— Суп куриный есть, с лапшой. Пшенка с мясом. Картошки пожарить можно, тоже с мясом. Компот сегодня сливовый, ну и просто налить могу. Ты садись давай.

Я прикинул, куда лучше сесть, выбрал угол слева от входа. В этот самый угол и имущество свое могу сложить, чтобы не мешало никому и под ногами не валялось.

— Давай тогда суп и картошку. И компот. И сто грамм налей, пожалуй.

На столе даже пепельница обнаружилась, глиняная поделка в виде утки. Как ребенок делал. Может, и вправду ребенок, кабатчика, например. Я свалил с себя тяжелый рюкзак, поставил стоймя винтовку в чехле, на рюкзак автомат пристроил. Расстегнулся, стащил с головы брезентовую панаму. Доехал куда-то. Точнее, доехал куда хотел, просто не знаю, туда ли я хотел и куда мне на самом деле нужно. Милиционеры покосились на меня, один, молодой и белобрысый, чуть дольше взгляд задержал, но вскоре потерял интерес. Я закурил в очередной раз, выпустив дым в потолок.

Да, если Саша не обманет, попутчик мой нечаянный, то я лучше комнату в частном секторе сниму. Не знаю, насколько я тут задержусь, но пока какая-то база нужна. Начинать откуда-то требуется. А дальше видно будет, я не загадываю. Может, мне и вообще на край света ехать придется, хоть и сомневаюсь. Не ездят те, кто мне нужен, так далеко. Да и вообще люди теперь далеко не ездят, вон как патрульный поразился, когда документы мои проверял. А до этого всего разве расстояние было? Да так, ерунда, а тут сколько добирался. Незачем далеко ездить, нет никакого смысла. Никому смысла нет.

Неожиданно блондин с повязкой поднялся из-за стола, подошел ко мне, остановился у стола. Одет в штормовку, сейчас половина мужиков в них ходит, под ней офицерский ремень с кобурой вижу.

— Милиция, — вроде как представился он. — Пистолет у тебя вижу. Предъяви к осмотру.

Вот оно что. Я аккуратно достал «ТТ» из оперативки, показал отсутствующий магазин, оттянул затвор, демонстрируя пустой патронник. Тот вроде разо-

чаровался немного, кивнул. «Штрафа» захотелось, похоже. Когда он было направился к своему столу, я спросил:

— Товарищ сотрудник, вопрос позволите?

— Чего? — обернулся он.

— Райотдел где находится, не подскажете?

— На Девятого января, дом три. Рядом со сберкассой, — ответил он. — А что?

— Да ничего, зайти мне к вам нужно.

— Заходи, — пожал он плечами.

Ждать пришлось недолго, кабатчик с супом пришел через пару минут, я едва затушить окурочок успел. Выставил передо мной тарелку, сняв с подноса, затем блюдце с четырьмя кусками черного хлеба, рядом расположил граненый стакан, до половины налитый, и, к удивлению моему, там же появилось блюдце с нарезанным соленым огурцом и таким же зеленым мятым помидором.

— О, спасибо, — обрадовался я.

— Картошку жарим, чуть позже будет.

— Хорошо.

Дождь так и продолжал моросить за окном. Серый бревенчатый дом напротив, серый забор. Через открытую калитку видно, как тетка в военной плащ-палатке несет дрова из поленницы, а в окне сидит рыжий кот и за ней наблюдает. По улице проехал грузовик, оставив след сизого солярного дыма. А вот зелень за серым забором прет сочная, яркая, перебивает тоскливую картину, словно старается показать, что не весь этот мир умер.

Наколов на гнутую алюминиевую вилку кусок огурца, я глотнул из стакана, поморщился от теплой водки, но проглотил, закусил. Взялся за суп, впол-

не себе съедобный. Когда покончил с ним, кабатчик принес картошку со свиной. Тоже неплохо, и пожарена на совесть, с луком, и мяса пусть и немного, но тоже хватает. К гарниру еще один мятый соленый огурец, прямо роскошь.

Я успел доестъ и не только водку, но и чай допить, когда с улицы послышался звук подъехавшей машины, и тут же в столовую вошел Саша. Он огляделся, заметив меня, по ходу поздоровался за руку с кабатчиком, потом кивнул ментам. На пьяную компанию внимания не обратил, ну а те его никак не отметили. Подсел напротив.

— Как покормили?

— Хорошо, — кивнул я. — Будешь что-нибудь?

— Нет, я уже дома покушаю. Пойдем тогда, покажу тебе все.

Я подошел к стойке, спросил:

— Сколько с меня?

— Рубль десять, — сразу ответил толстяк.

Пошарив в кармане, я выудил несколько монет на ладонь, отсчитал, отдал ему без сдачи.

— Спасибо.

— На здоровье, заходи еще.

— Зайду.

Подхватив все свои вещи, вышел следом за Сашей на улицу. Прямо у входа в столовку стоял бежевый пикапчик «Москвич». Перехватив мой вопросительный взгляд, Саша сказал:

— Садись, прокачу. Барахло в багажник кинь, брезентом накроем.

У него там и вправду нашелся рулон палаточного брезента, которым он аккуратно накрыл мое имущество. В кабине машины пахло машинным маслом

и застарелым куревом, папиросные окурки ежом торчали из перекошенной и переполненной пепельницы. Саша заодно и закурил. Затем повернул ключ, «пирожок» зафырчал и поехал.

— Широко живешь, — я постучал по панели.

— Так что за механик без машины? — удивился он. — Да есть машины в городе, просто мало кому нужны. Бензин дорогой, от легковушек пользы мало, грузовики нужны всем. Или трактора. Нужна машина — враз найду, только скажи.

— Бензин откуда у вас?

— Из торфа гонят, и бензин, и соляру. Торфа у нас тут до следующей войны точно хватит.

— От радиации не загнетесь?

— Тут чисто, даже болота чистые. Не достало, только на Калинин и упало, на выезде на Москву. Вот там да, говорят, еще и химии всякой разбросано до хрена. Чисто тут, чисто, — повторил он.

Ехали совсем недолго, минуты три, наверное. Пара старых купеческих особняков с осыпавшейся желтой штукатуркой, «немецкая» четырехэтажка, из тех, что строили пленные, пара довольно новых панелек, затем частный сектор пошел. Даже не сворачивали никуда, так на Белинского и выехали. У крашенного «половой» бурой краской дома с четырьмя окнами на улицу Саша остановился.

— Приехали, — объявил он. — Сюда нам. А я вон там живу, — он показал на дом прямо напротив, ухоженный и даже с кирпичной пристройкой. — Домов много, если бы ты остался, то тут рядом несколько есть. Почини и живи.

— А много народу в городе?

— Тысяч пятнадцать.

— Много, столица, считай, — удивился я. — А раньше жило?

— Тысяч сорок жило. На Пятый Год вымерло много. Ну и всякое. Пошли.

Он толкнул калитку, зашел во двор, я следом.

Крыльцо чуть покосилось, но дом выглядел вполне добротно. Саша постучал в дверь, за которой почти сразу послышались шаркающие шаги. Слышно было, как откинулся крючок, а затем я увидел невысокую худую женщину в бабьем платке. Рука, которой она придерживала дверь, сплошь была покрыта старыми ожоговыми струпами, левый глаз закрывала катаракта.

— Сергеевна, здравствуй. Возьмешь постояльца?

Женщина посмотрела не меня оценивающе, затем спросила:

— Надолго?

— На недельку пока, наверное.

— По два рубля в день возьму, если на неделю, — ответила она сразу.

Сколько ей лет? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят?

— Наталья Сергеевна, побойся бога, — засмеялся Саша. — Не дорого?

— Я согласен, — прервал я попытку торга. — Комнату посмотреть можно?

— Обувь снимайте, — кивнула та, пропуская нас внутрь.

Я стащил сапоги, размотал портянки, оставшись босиком на крашеном полу. Сергеевна провела меня через дом в маленькую комнату, где я увидел железную кровать с панцирной сеткой, стол со стулом у окна и старый поцарапанный шкаф. Над кроватью коврик с оленями, на столе керосинка. На стене умы-

вальник с раковиной, под ней ведро. Под гостей комната, значит.

— Хорошо, мне нравится, — кивнул я. — За неделю заплатить?

— Давай за неделю, если можешь, — ответила она. — И заселяйся.

— Курить тут можно?

— Окно открывай и кури. Только чтобы в доме дышать можно было. И пепел на пол не трясси. По ночам не орешь? — спросила она пристрастно.

— Нет, даже не храплю. — Я полез за кошельком, выудил из него две монеты по пять рублей и две по два. — Пожалуйста, вот, — передал я ей деньги.

— Ну вот заходи и живи. Кота моего не обижай.

— А где кот?

— Гуляет Васька мой, где он еще быть может, ирод. — Она неожиданно светло улыбнулась. — Живи на здоровье, в общем. Завтра я работаю до вечера, а так через день кормить могу, если хочешь.

— Спасибо, подумаю. Не воруют у вас? По домам не лезят?

— Нет, таких давно расстреляли, — ответила она по-простому. — Тихо в городе, разве что мужики по пьяни подерутся, но им положено так. Не бойся за вещи, ничего не случится.

Хозяйка быстро застелила мне свежую постель и вышла. На огород пошла, как я через окно увидел. А сам начал вещи разбирать. Поставил в шкаф винтовку в чехле, туда же автомат пристроил. Вещи из рюкзака вытащил и на полки разложил. Пару книг, что взял с собой, на стол выложил. Пусть вроде как дом тут пока будет. Вторую пару сапог к дверям

выставлю, а тут босиком. На полу дорожка, по ней пройтись приятно. Сел на скрипнувший стул, вытянул ноги, снял очки, чуть надавившие переносицу. Сменить? У меня с собой еще одни есть, совсем целые, а на этих одна дужка на эпоксидке, не складывается уже. Нет, эти пока поношу, те в резерве останутся, последние. Пока других не найду себе, в этих ходить буду, они легче. А та оправа неудобная что-то совсем.

Плечо разнылось, надо на ночь намазать. И вот баньку бы еще найти, тут во дворе не вижу. У нас была. В городскую идти придется, наверное. Ладно, куда схожу в милицию местную, дело у меня там.

На выходе из дома столкнулся с хозяйкой, с ведром возвращавшейся с огорода.

— Наталья Сергеевна, а как мне на Девятого Января попасть отсюда?

— Да вот так и иди прямо, пока не упруешься. — Она показала рукой. — Справа сберкасса будет, слева милиция и старый собес. Не заблудишься.

— Спасибо.

— Ты ключ возьми, — засуетилась она, зашарив по карманам ватника. — А то поздно придешь, и я спать буду. Или уйду куда, если рано.

— Спасибо, — повторил я. — Не думаю, что поздно, пораньше вернусь. А баня в городе есть?

— Это на Садовую тебе надо, на тот берег. А что с Сашкой не договоришься?

— С Сашкой? — немного озадачился я.

— Ну да. У него баня своя, во дворе. Пошли, позову его. — Не дожидаясь продолжения, она решительно направилась на улицу. Во двор соседский заходить не стала, забарабанила в окно, в которое почти сразу

выглянула пухловатая круглолицая женщина с волосами, убранными в пучок. — Лид, Сашка дома?

— Позову сейчас. Здрости, — это она уже мне кивнула.

Звать не пришлось, Саша тут же выглянул в окно.

— Сань, друга своего в баню пустишь? — Сергеевна долгих вступлений не любила. — А то он на Садовую собрался.

— Да без вопросов, заходи попозже. — Саша, похоже, даже обрадовался. — У меня и выпить найдется, и закусочка. Посидим.

Женщина чуть вздохнула, но ни слова не сказала.

— Да неудобно, я в городскую схожу, — удалось, наконец, и мне вставить слово. — Отдыхай, ты с дороги.

— Так вот и отдохнем! — Он даже руки потер. — Сколько сейчас?

— Полчетвертого, — глянул я на свою «Победу».

— К семи подгребай, самое время. Протоплю как раз.

— Спасибо, коли так.

Вот ты глянь, как я друга себе нашел, а всего-то по дороге папиросами снабжал. Но так спасибо, конечно. Надо будет тогда на базар заглянуть, купить что-нибудь, чтобы не с пустыми руками. В общем, зашагал к центру. Подумал, что надо было бы «ТТ» в комнате оставить, но привык к нему, без оружия как без штанов. Пусть хоть так, без патронов висит под курткой, три магазина в подсумке на другом боку. Не нарушаю ничего.

Дождик вроде прекращаться начал, еле срывался, да и хмурое небо светлеть начало понемногу. Навстречу дети попались, мальчик и девочка, лет по

восемь обоим, с ранцами за спиной. Из школы идут, болтают о чем-то, со мной поздоровались, ну а я с ними. Проехала телега, которой правил дядек в брезентовом пыльнике, груженная чем-то в мешках, потом меня «Нива» обогнала, чуть притормозив у лужи, чтобы не обрызгать. За рулем женщину разглядел, скуластую, крупную, с почти мужским лицом и папирсой в зубах. Почему-то сразу решил, что какое-то начальство городское.

Возле панелек народу на улице прибавилось. Компания детей разного возраста что-то у лужи делает, две бабки судачат, на углу в контейнер торф в брикетах с самосвала разгружают. Длинный пустовавший двухэтажный особняк, который я поначалу было принял за школу, оказался библиотекой для слепых, табличка так и висела у входной двери, забитой досками. Затем какое-то учреждение с проходной, воротами и гаражом, на территории несколько машин. Знакомого вида двухэтажный барак, над входом вывеска «Магазин». Что за магазин? Да бог его знает. Местные в курсе — и достаточно. Вполне ухоженный и с виду обжитой двухэтажный дом — наверняка какое-то местное начальство живет, или кто там еще. И тут же по дороге попалась пара больших особняков, но таких запущенных, что сразу ясно — их еще с революции никто не ремонтировал. Пустуют, понятное дело. Жилья и прочего в городе куда больше, чем людей, вот и не возится никто с такими.

Дальше пошла широкая улица с самым настоящим парком, даже кованые решетки ограды на месте. По левую руку старые купеческие дома, вот они явно заселены. А у некоторых еще и машины стоят, все больше «Волги». Тоже начальство или богатеи мест-

ные? А в парке дети играют, и даже женщина с коляской прогуливается, держа в руке книгу. Да, дождь совсем прошел.

У выхода на площадь среди деревьев торчал памятник Кирову, а вот уже за ним я увидел вывеску сберкассы, на ступеньках которой стояли две бабки в платках. А слева, в типичном двухэтажном особняке, как раз райотдел. Перед ним два милицейских «бобика» в раскраске, дальше два зеленых «уазика». Кирпичное крыльцо, явно позже пристроенное, козырек над ним, справа от входа стенд, еще с тех времен: «Их разыскивает милиция». И там правда несколько объявлений. Завернул, посмотрел, покачал головой. Не то. Не те.

Дверь оказалась тяжелой, обитой планкой снаружи и дерматином изнутри. В дежурке пахло какой-то дезинфекцией, вроде как в больницах. За стойкой сидел немолодой дядька в военной форме, но с милицейскими погонами на ней. Это обычно, это везде так. Милицейская сносилась давно, а военной на складах на триста лет запасено. И на рукаве повязка «дежурный».

— День добрый, — поздоровался я, подходя к стойке. — Мне бы или к начальнику вашему попасть, или в розыскной, если есть такой.

— Оперотдел у нас есть, — хмыкнул он. — А по какому вопросу?

— По розыскному, — усмехнулся я. — Из Вологодской области я приехал, ищем кое-кого, — объяснил я без подробностей.

— Начальник в отъезде, опера на месте, — вроде бы удовлетворился дежурный моим ответом. — Вон туда по коридору, вторая дверь направо. Документики ваши только дайте.

Я полез за пакетом, на этот раз вытащив из него не паспорт, а удостоверение. Нормальное, настоящее удостоверение, на котором даже нигде не написано, что его владелец на самом деле и не служит уже нигде. С именем и фотографией и печатью Грязовецкого райотдела.

— Начальник ОББ? — немного озадачился дежурный.

Вот уже и до этого дошли. Вроде официально все милиция, органы внутренних дел СССР, а по факту давно уже в местных шерифов превратились, и все бывшее однообразие в названиях кануло в Лету. Каждый по-своему свои дела ведет, каждый отделы по-своему называет.

— Бандитский отдел, — пришлось пояснить. — Которые за городской чертой действуют.

— У нас вояки этим занимаются, — пожал плечами дежурный. — Разве опера иногда с ними. Пожалуй-ста, — он вернул мне удостоверение, — проходите.

— Спасибо.

Все равно ведь хоть на КПП, но проверит, пока я в кабинете буду, по глазам вижу. Ну и правильно, служба такая.

В коридоре было темновато, но все же дверь разглядел. Постучался и вошел, не дожидаясь ответа. Без всякого удивления обнаружил в привычно казенной обстановке из сдвинутых столов и сейфа в углу тех самых ментов, что видел сегодня в столовой. Они синхронно повернули головы, блондин спросил, на этот раз перейдя на «вы»:

— Вы по какому вопросу?

Тут я сразу удостоверение предъявил, затем спросил:

— Присяду?

— Берите стул. — Второй опер, что постарше, с усами и ранней лысиной, показал на один из трех стульев у стены. — По какому к нам делу?

Из все того же пакета появилось два сложенных листка, которые я аккуратно расправил и выложил на стол.

— Вот этих ищу. Имен не знаю, наш художник рисовал. Вот это Корень, — я ткнул пальцем в портрет мужчины лет тридцати с бритой головой. — Приметы тут. Вот это Шига, — я выложил еще один портрет. Парня помоложе, с длинными волосами, выбивающимися из-под вязаной шапки-олимпийки. — С ними еще трое было, приметы неизвестны, по оперативным данным устойчивое преступное сообщество. Разыскиваются за убийства.

— Рост около ста восьмидесяти, сутулый, на пальцах татуировки-перстни, на лице множественные шрамы от прыщей... — быстро бормоча, начал читать блондин. — Так сразу не приходит ничего на ум. К нам тут близко давно никто не подходит, а в городе таких вывели, в Лихославле тоже тихо, но можно тамошний отдел запросить.

— Знаю, что уехали с колонной на Торжок из Данилова Ярославской области. Своей машины у них не было, поехали с попутным грузовиком, госномер одиннадцать — двадцать три, Казань — Астрахань — Ростов. Ваш грузовик?

— Может, и наш, глянем, все номера у нас есть. Только время займет, в городе машин четыре сотни.

— Могу сам поискать.

Блондин выдвинул ящик стола, достал оттуда журнал с наклейкой «Регистрация транспортных

средств», подвинул ко мне. Да, теперь не так, как До Того, в каждой деревне своя регистрация. Зато найти проще.

— А если с вашей машиной ехали, могли раньше сойти?

— Могли. Но водитель на КПП сообщил бы. Если день примерно знать, то можно проверить. Но если бандиты, то ехали они в Вышний. А если в Вышний, то пошли на мотовоз и туда железкой.

— Мотовоз?

— У нас железка от Старицы до Вышнего Волочка цела. Раз в три дня мотовоз ходит с вагонами. Подождали бы здесь, посидели тихо, да и уехали. Если они у нас не в розыске, то что им.

— Машину нанять не могли?

— Без колонны? Сомневаюсь, туда никто не поедет. — Блондин почесал в затылке. — Железкой проще.

— Купить машину могли разве что, — добавил лысоватый. — Легковушек на продажу много, они дешевые. Только зачем?

— Машина у них была, «шишига», но у Грязовца осталась, спугнули их от нее. Грузовик забрали.

— Грузовик тут не купить, самим нужны.

— Могли и легковушку взять, в Вышнем их много, понтуются, — возразил блондин. — Так себе вероятность, но исключать нельзя. Иногда оттуда к нам специально за машинами приезжают.

— А где торгуют?

— Да на Энгельса, в военном городке, почти у платформы.

— Если я там похожу и вопросы позадаю — не удивятся?

— Удостоверение предъявляйте. Если кто борзеть начнет — дайте знать, сами подскочим.

Вместе походить не предложили, но хоть не уперлись, и на том спасибо. Сам потопчусь по городу.

— А ствол можете с патронами носить, — вдруг неожиданно добавил блондин. — Коллега все же. Дайте ваш временный. — И когда я передал ему квиточек временного пропуска, он вписал туда «с правом ношения оружия» и расписался «ст.о.у. Иванов С.М.» — У дежурного печатку тисните. Так проще будет. Хотя у нас тут тихо, — повторил он за остальными.

— Вывели громких?

— И вывели, и сами в Волочек съехали.

— А в окрестных городах ваша власть?

— Осташков, Лихославль, Старица, Селижарово, Кувшиново, села вокруг, где люди есть, на восток до Святова озера — наше, да, наш район. Но не поедут они туда, точно говорю, смысла нет.

— Да я так, представление составляю. А в Ржеве что?

— А в Ржеве военного много было, прилетело туда, — ответил лысоватый, вздохнув. — Воздушный. Не сильно большой, но город все.

— Не светится?

— Нет. Пара пятен есть до сих пор, но они там обозначены. Так даже счетчик почти не трещит. Болгое тоже снесли, по узлу железнодорожному били, похоже. Там тоже все.

Я посмотрел на висящую на стене карту области, разрисованную пятнами разного цвета.

— А в Вышнем чисто, выходит?

— Ну да, как бы они там жили. За Калинином начинается в сторону Москвы совсем беда, лучше не соваться, а от Медного в эту сторону вполне жить можно.

— Понял, спасибо.

— Журнал тут посмотрите или куда поспокойней вас отсадить?

— Могу здесь. Не мешаю?

— Да нет, еще и чаю дадим. Дим, за кипяточком сходишь? — спросил он у блондина.

— Твоя очередь вообще-то, — вздохнул тот. — Принесу сейчас.

Номер машины я нашел быстро. «ЗИЛ-130», бортовой, частный, владелец Бутин Михаил Аркадьевич, домашний адрес — улица Пролетарская, 62. Переписал в блокнот, а блондин, который Иванов Эс Эм, объявления о розыске на подоконнике перефотографировал. Сказал, что себе в ориентировки добавят. На этом, воткнув магазин в «ТТ», я пошел к дежурному, тот хлопнул на пропуск толкушку, и затем я вышел на улицу.

Конец рабочего дня, вон народ по домам идет, нет смысла сегодня свидетелей обходить. Поэтому подумал и направился на рынок, до него тут совсем рукой подать.

Рабочий день точно заканчивался, потому что на базарчике людно было. А так базар как базар, торговые ряды с навесами, сзади несколько маленьких магазинчиков и мастерских. Что до Этого Самого так все было, что так и после осталось. Покрутился, приценился к связке воблы, потому спросил у продавца:

— А пиво-то к вобле есть?

— Вон там возьми, — он показал на магазинчик «Продукты». — Только банку или канистру надо, у них в разлив только.

А верно, вон два мужика идут, у каждого в руке по трехлитровке с янтарно-красноватой жидкостью.

— А где купить можно?

— Там же и купишь.

Ответ немного поразил, но я решил не реагировать.

— Тогда дай связочку. — Я вытащил из кармана брезентовую авоську, развернул.

— Рублик с тебя.

— Не грехи, полтинник цена самая высокая, — не повелся я.

— Да ты глянь, что за рыба!

— Рыба как рыба, больше полтинника не дам. Пересушена к тому же.

— Ладно, уговорил, — вздохнул мужик, опознавший во мне приезжего и решивший поправить дела за мой счет. — Пересушена она ему.

Закинув рыбу в сумку, направился в магазин. То, что там торговали пивом, по запаху чувствовалось. Но с виду пиво вроде ничего было. На бочке, из которой разливали, имелась надпись белилами «Пиво ржаное». Ну да, а каким еще ему тут быть? А так магазин как магазин. Колбаса какая-то, мясо на прилавке, домашний сыр, что-то еще. Соленья в бочках, ими тоже пахнет, даже не знаешь, чем сильнее, ими или пивом. На полке водка и еще что-то в пивных бутылках с сургучом, папиросы и табак в пачках.

— Баночка найдется? — спросил я у грузной тетки в грязноватом белом халате, как раз закончившей отрезать кило колбасы девчонке-подростку.

— Банка рубль, — тетка посмотрела на меня выжидающе.

— А закрыть будет чем?

— Крышка тридцать копеек.

— Ну вот налейте мне банку под крышку как раз. — Я ей улыбнулся, но тетка оставалась мрачной.

Впрочем, пива она налила, дала отстояться и еще долила. Требуйте долива после отстоя пены, все правильно. Вытащила из какой-то коробки пожелтевшую полиэтиленовую крышку, положила рядом, предоставив возможность запечатать банку самостоятельно. Банка пошла в ту же сумку. Рыба бы не намочила вот так рядом лежать.

— И папирос пять пачек дайте, пожалуйста. Еще полбуханки хлеба и колбасы копченой колечко. И вареной грамм двести.

Она так же молча выложила папиросы, отрезала хлеб, кинула колбасу, ту и другую, потом, к удивлению моему, завернула все в толстую бумагу, пощелкала костяшками на счетах и сказала:

— Шесть восемьдесят.

— Пожалуйста, — вложил пятирублевку и досыпал мелочи.

Хоть не с пустыми руками теперь. Подумав, достал банку из сумки и решил нести в руках. Тут недалеко и недолго, ничего с ней не сделается. Потом прошелся по рядам, хотел купить уже там соленых огурцов, да сложить не во что, потекут. За покупками люди со своей тарой ходят, у кого какая есть. Тут хоть в магазинах бумага была, а так ведь все, бумага в дефиците. Если и есть какая газета местная, так ее никто не выбрасывает, идет на растопку да в уборную. Заворачивать в нее что-то — уже роскошь. Историю слышал,

как с какого-то склада туалетной бумаги вывезли несколько машин. И не проверили, а та пыли набрала, светится. Вот и наподтиралась ей люди на свою голову. Не голову, если точнее. А вот тут гля, заворачивают. Роскошь, цивилизация. Надо было еще листочек попросить, для воблы, тогда и банку тащить в руках не нужно бы.

До бани долго еще, но все равно к дому пойду. Там посижу, расслаблюсь. В последний момент, спохватившись, вернулся в магазин и «чебурашку» водки купил. Пусть будет. Мне она нужна иногда. А про бумагу опять забыл.

Все же что-то с плечом делать нужно. Пока шел, банку с руки на руку перекидывал, так вот в левой и минуту нести трудно. И не только плечо, вся рука болит. Плохо это, некстати. Хотя удивляться чему? Пятьдесят два. Даже раньше возрастом уже считалось, а вот теперь, после всего и при такой жизни... Надо физкультуру какую-нибудь попробовать, может быть, разработается или что. А то как вообще откажет? У меня еще дел много, а насколько они затянутся...

Сергеевны дома не было, ушла куда-то. Зато на поленнице сидел полосатый кот с таким видом, будто он во всем городе главный. Здоровый кот, прямо зверюга.

— Чего уставился? — спросил я, отпирая замок. — Живу я здесь теперь. Соседи будем.

Ваське, если это именно он, было все равно, похоже. Солидный, важный, небось или мышей наловил, или соседским котам навалял.

— Сейчас выйду к тебе, Василий, дело есть, — сказал я ему.

Стянув сапоги ногами, сбросил их за дверь, прошел в комнату. Банку сразу на стол, пусть стоит, водку же в шкаф убрал, туда же папиросы. Колбасу с хлебом не знаю куда... на кухню? Ладно, потом Сергеевна скажет, пока в сумке все полежит. Открыл окошко, придвинул стул. Пепельницы нет, куда трести-то? А, нет, ты глянь, на умывальнике стоит, причем именно пепельница, да еще и хрустальная, из дорогих. Не было, когда уходил, хозяйка позаботилась, дай бог ей здоровья.

Так, сперва дело. Развернул колбасу вареную, отрезал ножом толстый кружок, порубил его на кубики. Потом вынес все во двор и коту под нос сунул. Тот не отказался, тут же трескать взялся так, что за ушами затрещало. А я обратно вернулся, чтобы не мешать.

Сел к окну, закурил. Не курил ведь до Этого Самого, и потом несколько лет держался, здоровье берег, а дальше... оно как бы и не до здоровья стало, что ли. Может, сейчас бросить? По утрам кашляю, ни к черту не годится, а вот сейчас здоровье нужно как раз, дело у меня. Нет, не смогу.

Взял книгу, раскрыл на заложенной странице. Вроде и все время читаю, и никак не могу отделаться от странного ощущения — как будто сказки все, что в книгах написано. Про другую жизнь, которой нет и никогда не будет. У меня вот мемуары военные в руках, так и войн таких не будет больше. То, что случилось с нами, и войной не назовешь, в один день все закончилось, или началось, тут каждый по-своему считает. Но воевать стало некому и не с кем. Нет, народ после Этого Самого озверел и одичал, смерть не то что обыденностью стала, а чем-то таким, без чего и жизни нет. И люди теперь поделились на людей, не

очень людей и вовсе нелюдей, потому что выжили все по-разному. Кто по совести, а кто и людоедом натуральным. И нет такой сильной власти, чтобы могла всех в узде держать.

Власть вроде и есть, от нее вот у меня деньги в кармане, но только не видно ее особо на самом деле. Городами люди живут, районами, каждый сам по себе. Нет у власти сил, чтобы всех к единому знаменателю привести. Страна велика, пути длинные, силы малые. Без власти бы Пятый Год и вовсе мало кто пережил, она спасла, открыв хранилища Госрезерва, а кому-то и мобсклады, но дальше-то что? Сказали спасибо ей, но нет у власти возможности такую территорию под контролем держать. Так, радиogramмы идут, кто-то какие-то планы спускать пытается, им даже в ответ поставки из районов, вроде как в счет плана какого-то, да и все. В обратную сторону кормим теперь, получается. Ну, еще колонны Центроснаба ходят, перекидывают разное нужное из тех мест, где это делают, в те места, где не хватает. В нормальных городах власти и рады были бы, да нечем ей себя проявлять. Может, координируют людей как-то. Тут нацелят хоть какую-то медицину производить, без нее и вовсе беда была бы, от эпидемий бы передохли, тут еще что-то, но... понятно все, в общем. Вроде Деда Мороза, который раз в год с подарком заглянет.

Поначалу власть центральная заметней была. Видели их везде и часто. Но потом... потом все в упадок пришло, и они тоже. Ресурсы техники, запасы топлива, не поездишь уже так на бэтээрах по областям, броня долго не бегаёт, капиталки хочет. А как все это у них закончилось, так и сил особых не стало. Жи-

вут где-то сами своими районами, а в чужие не очень и суются. Хотя им даже рады, это как символ теперь, знак того, что мы еще вместе.

Ведь те люди, что к нормальной жизни стремились, пытались создавать хотя бы иллюзию существования в едином обществе. Пусть большинство из них и за десять верст от своего городишки не отъезжало никогда, но все же осознавать, что ты часть чего-то большого... для них это важно. Поэтому у районных «войск» или ополчений оставались военные уставы, милиция пыталась тоже прикидываться «органами», а не шерифами, и так далее. Но в реальности районы соединялись разве что торговыми путями, потому что именно без торговли, как очень быстро выяснилось, жить не получится. Даже табак вот в этой папиресе, что я сейчас курю, привозной с юга. По Волге ехал баржой или чем там, от самой Астрахани вроде. И вот торговцы, которых уже начали величать купцами, и стали и главной связью, и новыми богатыми. Власти не могли и не умели организовать все сами, а кто оборотистый был, тот сумел. Приволок грузовик или теплоходик где-то нашел, прикинул, чего где не хватает, и рискнул, и повез, и вот он уже в этом Торжке купеческий особнячок освоил, но зато в город и табак привезли, и фрукты, и запчасти оттуда, где они есть, и все остальное.

Легковушки тут дешевые, говорят. Они и у нас дешевые были. Вот «уазик» свой дорого продал, чтобы на дело мое деньги были, и вообще все, что у меня было, продал, потому как не держит больше ничего меня на месте, а надо мне ехать, и не знаю, как далеко, но вот можно мне привязанным к железке и колоннам быть? Посмотреть хотя бы нужно.

Стащил с себя пояс с тайными кошельками, открыл, просмотрел пачки купюр. Больше трех тысяч есть у меня, вроде и много, но только на первый взгляд. Тут отдашь, там оставишь, и текут, текут деньги. Вытащил пятерку, посмотрел. Почти как в старые времена, даже картинка та же, но другая все же, не перепутаешь. Не синенькая, а красная. Помню, долго мучился вопросом о том, где же такие качественные деньги печатают, а потом рассказал заезжий человек из «центральной власти» о том, что деньги были напечатаны заранее, на всякий случай. Даже об этом думали до того, как все случилось. Понимали, что как разнесет все в щепки, многие доберутся до всяких мест, где деньги до потолка навалены. Только думали о многом, а результат... да вот он, результат, вокруг меня. Ну хоть деньги сделали такие, что и не подделаешь. Ну и да, за Пятый Год спасибо, выжили.

Спohватившись, собрал к бане свежее белье и два полотенца. Из старых полотенца, китайские махровые, набрел один знакомец на целый магазин, поделился. Даже не потрепанные совсем, теперь это тоже дефицит. С тканями плохо, со всем плохо, если честно. Гигантские вещевые склады военных, разбросанные по всей стране, только и спасают. По ним не били, нет в этом никакого смысла, вот и уцелели в большинстве своем. Все армейское имущество уцелело почти что, потому как войны и не было, был просто конец света. Били по командным пунктам друг друга, били по военным базам и пусковым установкам, били по союзникам врага, добились того, что мир если и не в труху, то на карачках еле ползает, а вот склады все остались. Не дошли до них руки, да и на кой черт они кому нужны. У нас вон люди съездили проверить

арсенал ГРАУ, вдруг уцелел, а он и правда целый, потому что рядом никаких стратегических объектов. И нашли там только пулеметов больше десяти тысяч. Не новых, с ремонта, мобрезерв, но сама цифра... Из другого склада патроны вывозили несколько дней грузовиками, а патронов там всяких... еще с Великой Отечественной лежат. И «ТТ» мой оттуда же, он вообще тридцать четвертого года выпуска, и патронов к нему там хранилось невероятно много.

В соседскую калитку зашел ровно в семь, с узелком со свежим бельем, банкой пива и связкой воблы в руках. Саша, одетый сейчас только в старые солдатские бриджи и майку, стоял на пороге бани.

— Пришел? Проходи, — махнул он рукой. — Ты гля, и пивка взял. А у меня водочка. Одно с другим... да ладно, все полезно, что в рот полезло.

В предбаннике пахло запаренным веником. Я сложил добро на стол и лавку, приготовил полотенца, а у Саши еще и простыни нашлись, вообще роскошь. Баньку самую просторной назвать было сложно, но нам места хватало, и пар она держала хорошо. Саня же обнаружил на себе еще немало татуировок, тоже сплошь морской тематики.

— По молодости, дурак был. На Балтике служил, вот и набил партаков, — объяснил он со смехом. — А бляху с якорем так и посеючас ношу.

— Это тебе на Балтике прилетело? — Я показал на явный след сквозного пулевого на правом боку.

— Не, это уже потом, семь лет назад. На колонну напали. Так отбились, но меня уже еле живым привезли. Я тогда в Кувшиново жил, родом оттуда.

— А как сюда перебрался?

— Женился сюда, к жене переехал. А потом с мужиками гараж открыл, вроде как деньги появились. Живу, нормально все. Я и в Кувшиново в гараже работал, на бумажной фабрике.

— Это оттуда бумага здесь?

— Оттуда. Там фабрика старая, оборудование от царя-батюшки еще, вот и работает до сих пор. Из торфа. Тут у нас все из торфа. Торфом топим, из торфа бензин, из торфа бумага, только жрать его еще не начали. Я все, упарился, пошли по чуть-чуть примем.

— И то, — согласился я. Пару поддали неслабо, потом еще зайдем.

На столе стояла уже открытая «чебурашка», в алюминиевой миске навалом соленья, хорошо, что покупать не стал, хлеб порезан и кралька колбасы копченой, пахнущей чесноком. Саша быстро разлил по половине стопки, придвинул одну ко мне, сказал:

— Ну давай, за знакомство.

Я взял очки со стола, надел. Затем чокнулись, выпили, захрустели огурчиками. Саша быстро разрезал колбасу на толстые куски, положил пару на хлеб, откусил, кивнул:

— Ты угощайся. Заодно и ужин.

— Спасибо, — не стал ломаться я. — Расскажи про Вышний. Что там у вас за дела творятся?

— Они сами по себе просто. На районную власть болт поклади. Но мы к ним не лезем, ну и они... хотя как сказать. Там бандитов много, есть вообще беспредельные. По воровским понятиям город живет.

— И до войны не дошло?

— Тут видишь какое дело... — Он пригладил мокрые волосы. — Так они где живут — не гадят. Только если совсем беспредельщики. Но с такими их стар-

шие тоже разбираются. Если и ходят грабить, то далеко. А так город как город, торгуем, даже железка к ним идет. От нас торф берут, бензин, от них лес, рыба. Вобла вот точно от них, — он пихнул пальцем связку. — Они ее там вообще разводят, в Тверце много не наловишь. Доска оттуда идет, там лесопилки две работают. Много что.

— А что говорят, что туда поодиночке никто не ездит?

— Это на машине если, отнять могут. Я точно не поеду. «Зеленые» все больше вокруг по деревням живут, чтобы не нарываться, так вот на них самих и нарвешься. Лес большой, и не найдут. А машина уйдет и с концами.

— А поездом?

— Поезд прямо дотуда, там спокойно более или менее. Народ отсюда ездит, ничего.

— А что за «зеленые»?

— Да погнали так самых диких, кто в деревнях прячется. Не знаю, откуда пришло. С революции еще, говорят. Давай еще? Между первой и второй перерывчик небольшой, сам понимаешь.

— Ну давай.

Наливал он понемногу, не напиток, а растянуть бутылку хотел, так что не страшно. Опять подняли, чокнулись.

— Ты говорил, что тут легковушки дешевые. Почему будут?

— Да что почем. Натащили их много, целая стоянка. Со всего района вывозили, даже из Калинина. Грузовики берут, но как удержишься? Легковушку на жесткую сцепку и сюда. И вот те результат: грузовики в дефиците, а легковые стоят. Машина нужна, что ли?

— Да взял бы что-то, если совсем недорого.

— Тебе где кататься? Ну, я в смысле — по городу или как?

— «Или как» хотелось бы.

Вот прямо сейчас у меня подозрение возникло на то, что те, кто мне нужен, как раз «зеленые» и есть. Пешком по таким делам не находишься. Я знаю, я за такими десять лет гонялся, сперва опером, затем начальником.

— А ты откуда сам? — спросил Саша.

— Калининский я, что интересно. Военный. Служил в Теплом Стане, в мотострелковой бригаде, перевели из Афгана за год до Этого Самого. Когда шарахнуло, были в отпуске с семьей, у родителей жены, за Рязанью. Никуда не успел, да и вызвать тоже не успели. Хотели сперва в Калинин, но ни через Москву, ни мимо нее никак. И Рязань снесли. Поехали вокруг, да не доехали, в Вологодской сослуживца встретил неожиданно, тот из Грязовца. Вот он к себе и затащил, там осели. В Калинин смысла не было, все одно нежилой.

— На Калинин две упали. Наземный был на пятьсот тринадцатом и воздушный над Мигалово, над аэродромом рванул. — Саша чуть помолчал. — Мы ездили туда, вывезли очень много. Карабин мой как раз из Мигалово. А так вымер город. Кто разбежался, а так погибли больше. Туда и сейчас заезжать страшно. И за Волгу лучше не лезть, хоть новый мост цел остался, там и радиация до сих пор, и химия местами какая-то, говорят. А у Мигалово чисто почти везде. Семья жива?

— Нет, погибли. Все погибли.

Я подробности рассказывать не стал, а он спрашивать постеснялся, хоть и понял, что пережили они

удар. И хорошо, что постеснялся, спасибо. Не хочу я об этом ни с кем.

— А что-то для проселков найти можно все же?

— Можно. Знаю одну. Но за нее заломят штуки полторы, не меньше. Хочешь, покажу завтра.

Три у меня есть. Половину за машину? А с другой стороны, что мне с этих денег? Проживу как-нибудь.

— Что за машина хоть?

— «Луазик», — он усмехнулся. — Зверь машина. Не вру, серьезно, народ не втыкает просто. И жрет немного, это тебе не «козел». Движок запоровский, подвеска железная.

— Ломаются там движки, я слышал.

— И на коленке чинятся. И запасные есть у нас, снимали. Так «запоры» вообще не берут. Кому понтоваться, то смеяться будут, кому для дела, так на фиг не нужен. А этот ездил мало, побегает пока.

— Ну, покажи завтра. Попарюсь еще, с веничком.

— Давай. А я тебя тогда подниму, как на работу соберусь, в восемь. Годится?

— У меня будильник есть, встану. Ты библики просто.

— А у меня бибика сломана, — засмеялся он. — Свистну.

Напарился, опьянел малость, потому что мы и водку выпили, и пиво до капли. Пошел к себе в чистом. Вечер прохладный, но после баньки хорошо даже, приятно. Я на крыльцо вышел, а ко мне Васька подсел.

— Не куришь? — спросил я его. — Ну и правильно, здоровье дороже. А я покурю, — и полез за портсигаром.

Тихо вокруг, только собаки где-то брешут. Небо уже в закат раскрасилось, тучи разошлись, дождем не

пахнет даже. И ветра нет почти. Так вот смотришь, и кажется, что вроде как даже нормальная жизнь кругом, и не было ничего, а все приснилось. И теперь ты проснулся, и дальше все будет хорошо. А про то, что ничего нормального не будет, думать не хочется.

— Это тебе, Василий, хорошо, — сказал я коту, выпустив дым в небо. — Как были тут все дворы твои, так и дальше будут. Статус-кво. Ладно, пойду я спать, что ли.

Хозяйка уже точно спит, в ее комнатку дверь закрыта, да и тихо в доме все время. Прошел к себе, закрылся. Подумав, достал бутылку водки, сдернул пробку, и просто приложился к горлышку на несколько глотков. Отломил от так и лежащей на столе колбасы кусок, зажевал. Может, так уснуть получится. Потому что как лягу, так все сразу и вспоминается. И как днем ни пытаешься жить, а к ночи все кошмары возвращаются. Не сны, настоящие кошмары, реальные.

2

Маленький походный будильник разбудил меня в восемь. Не открыв еще глаз, нащупал очки на полу у кровати, надел, потом оттуда же взял ковшик с водой, что с вечера приготовил, приложился, чуть не весь выпив разом. Поднялся, надел офицерские галифе, пошлепал на кухню горячей воды попросить. Сергеевны дома не оказалось уже, но к радости своей я на плите нашел кастрюлю если не с кипятком, то с еще вполне теплой водой. Набрал в тот же ковшик, вернулся к себе в комнату, достал из шкафа коробку с зубным порошком, щетку, мыло с помазком

и бритву. Намылил физиономию, глядя в маленькое помутненное зеркало, попробовал бритву. Можно еще бриться, хоть и дерет уже, но лезвий мало в запасе осталось, так что лучше потерпеть. Черт бы побрал эту «Неву», тупится почти сразу. Машинки вот я видел для заточки безопасных бритв, хвалит народ, но редкость. Найти бы такую.

После бритья одеколоном побрызгался, «Шипром», тем еще, со старых времен. Кожу защипало, но как-то легче стало, а то после такого бритья вся она огнем горит. Постричься надо бы, поищу парикмахерскую.

Когда Саша свистнул за воротами, я был уже одет и готов. И даже Ваське вареную колбасу дорезал и честно отдал. Едва я сел, «пирожок» тронулся с места.

— Поехали, сразу покажу машину, посмотришь.

— К платформе?

— Не, она в другом месте. Мужик из мародерской бригады, он ее себе взял, да поранился до гангрены, правую ногу отняли, водить теперь не сможет. Как раз продать решил, а тут ты. Так бы хрена она застоялась, забрали бы уже. На Демьяна Бедного поедем.

А, теперь понятней становится. Так я тоже удивился, что машина для бездорожья задержаться могла. Там, в Грязовце, такая же картина, легковушек вокруг много, да не нужны. Свой «уазик» я сам в рейде нашел, в гараже заброшенном, так потом и ездил, и то начальство несколько раз намекало, чтобы я его городу продал, но я упирался. Ссылался на то, что я на нем только по службе и гоняю на самом деле. Но бензин с города брал исправно.

— Не продал он ее еще?

— Не должен. Посмотрим.

Саша провез меня уже знакомой дорогой, но рядом с райотделом свернул правей. Проехали длинное старинное здание торговых рядов с вывеской «Универсам центральный», следом второе, уже двухэтажное, но закрытое.

— Универсам работает, что ли?

— Ага, мародеры снабжают. Там все подряд. Если мелочь какая нужна, то тебе туда.

— А оружейный есть?

— Есть, конечно, где его нет. Рядом с райотделом.

— А я не видел, был там рядом вчера, — удивился я.

— Дом, где сберкасса, другой подъезд.

— Не обратил внимания, спасибо.

Оружия много, куда больше, чем людей осталось, наверное. В нормальных городах им власть торгует обычно, все в бюджет идет. Как в том же Вышнем Волочке — даже не знаю.

— А что нужно?

— Патроны, может быть. Как с этим?

— Есть. И заводские, и передел. Передел дешевле, конечно, но сам понимаешь.

Патроны у меня есть, но не то чтобы очень много с собой. Все в одном рюкзаке тащу, сколько там унесешь на три-то ствола. Полезно знать.

Дорога обогнула бюст Пушкина на постаменте, вывела на мост через Тверцу. Там покрытие вообще кошмарным было, ям куда больше, чем асфальта. Да это и понятно, на мосту еще и вибрация, и снизу он промерзает. Теперь любой мост — чистый кошмар, и радуешься, что вообще на месте стоит. На том берегу показался ряд особняков, обшарпанных и гряз-

ных от сажки, затем опять потянулся частный сектор, утопающий в кустах сирени и заросший вдоль дороги старыми березами. И на дрова их, гля, не пустили. Впрочем, если тут торф всегда был, то им проще.

Пятиэтажек пятно, и опять частный сектор. Все маленькие городки средней полосы похожи друг на друга как две капли воды. Торжок еще древний, тут со старых времен попадается много, но если исключить, то разбуди тебя в таком городе, выпусти — нипочем не догадаешься, где ты сейчас есть.

Повернули несколько раз, выкатились на узкую улицу, похожую на Белинского, где живу, только без канав у обочин. Зато луж вдоль заборов со вчерашнего дождя хватает. «Пирожок» остановился у зеленого дома с забором из крашенного суриком железного листа, Саша сказал, глуша двигатель:

— Погодь, проверю, дома он вообще или как.

Зашел в калитку, затем я услышал стук в дверь, после чего мой проводник снова возник в калитке и махнул рукой:

— Заходи, Гена дома.

С крыльца застекленной веранды мне навстречу спустился мужик лет под сорок, крепкий, с подвернутой штаниной и опирающийся на костыли.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Сергей.

— Геннадий, — протянул он мне руку. — Саня говорит, что «луазик» взять хотите?

— Посмотрел бы. Есть такая мысль.

— Ну вот и у меня есть мысль продать, — вздохнул он. — Лишний теперь. А по городу ездить — «жигуля» возьму. Пошли. — Он повел нас к кирпичному гаражу в глубине двора.

Инвалид, но во дворе порядок полный, почти военный. Да и сам Гена чисто выбрит, стрижен, одет чисто и опрятно. Видно, что не сломался мужик, жизнь у него продолжается. Сам открыл замок, только ворота ему Саша помог распахнуть.

— Смотрите. — Он вытащил из кармана брюк ключи и передал мне.

Серенький маленький автомобиль с брезентовым тентом. Дверка водительская заперта. Я отобрал на колечке ключ поменьше, отпер машину. Втиснулся за руль. Да, инвалиду тут уже не очень будет, и порог высокий, и дверной проем как-то подрезан спереди, ноги поднимать и высоко задираТЬ приходится. И посадка чуть странная, ноги высоковато, а задница низко. Сиденья знакомые, от жигулевской «копейки», с вертикальной простежкой. А панель от «запора», похоже.

Вытянул подсос, повернул ключ в замке. Мотор затарахтел неожиданно громко и звонко, особенно в гараже. Гена с Сашей отступили в сторону, хозяин махнул рукой, крикнул:

— Выезжай!

Поддав газу, чтобы на холодную не заглохнуть, выгнал машину на улицу, чуть убрал подсос, снизив обороты. Так потише стало, зато вибрация никуда не делась. Огляделся. Места сзади на удивление много для такой машинки, зато вбок посмотреть проблема, перед носом оказывается стойка. Похоже, что из-за сдвинутой назад передней оси такая вот малость дурацкая компоновка получилась.

Посмотрел мотор, посмотрел под машину снизу. Так вроде все нормально, она и суриком с днища обработана, и все полости явно мовилем залиты, по

всей водительской мудрости. На счетчике чуть больше пятнадцати тысяч.

— Почти новая машина, — сказал Геннадий. — Под себя тащил, не ожидал вот, — он покачал культей. — Хрень получилась, вроде и рана маленькая была, и мы далеко, лечил как мог, а когда вернулся, то уже все, отпилили. Теперь только по городу жизнь.

— Ты завмагом теперь? — спросил Саша.

— Да вроде как, ребята выдвинули. Вы бы прокатились, попробовали на ходу, — предложил он мне.

— Да, спасибо, — кивнул я.

Саша распахнул ворота и я, убрав уже подсос окончательно, выехал на улицу. Остановился. Так, рычаги... отключение заднего моста, блокировка межосевого. Все как у больших машин. Недаром эту тарахтелку для армии делали на самом деле.

Проехал вокруг квартала, поражаясь вибрации, от которой даже изображение в боковом зеркале расплывалось, и раздражаясь необходимостью наклоняться вперед на каждом перекрестке. Но при этом машинка ехала, пусть и не слишком плавно глотая ямы, а подвеска все толчки точно держала. Она тут дубовая, а сам экипаж легенький.

— Ну что? — спросили меня хором, когда я заехал обратно во двор.

— Да отлично, — кивнул я, с трудом выбираясь через странную дверь и стараясь не измарать брюки о порог. — Сколько за нее?

— Тысяча шестьсот.

— За полторы прямо сейчас бы взял.

Гена подумал пару секунд, затем кивнул.

— Лады. Нормально. Но вот именно сейчас, так?

— Деньги с собой. Как у вас с этим дальше? Что регистрировать?

— В милицию подъехать надо обоим, там в книгу запишут нового владельца, да и все. Поехали? Сань, подвезешь? А то мне в этот и не влезть уже, нога пока плохо гнется.

— Вообще не вопрос, — решительно заявил Саша. — И туда отвезу, и обратно.

— Обратно не надо, у «Центрального» высади, мне туда нужно. Подождите тогда, мне собраться нужно.

В общем, через час я уже стал владельцем этого «лузика», а мои запасы денег уменьшились почти что вдвое. В подарок получил пустую канистру и целый фанерный ящик запчастей. И вместо одной запаски целых две. Одна на заднем борту висела, а вторая лежала в багажнике. Потом выспросил у дежурного райотдела, как доехать до Пролетарской, дом шестьдесят два. Оказалось, что совсем недалеко и опять на тот берег. Перебрался туда через узкий мост, пропустив встречную машину, потом поехал через старый район, слева река, справа косогор, и кругом привычный уже купеческий стиль. Торговал раньше городок со всеми, перекрестком был, недаром и название такое торговое. Попалась большая и, к удивлению моему, еще и побеленная церковь, возле которой собралась стайка бабок, потом вдрызг разбитая дорога привела опять в частную застройку. Нашел нужный дом, постучался, из окна выглянула молодая женщина, представившаяся женой Бутина Михаила Аркадьевича и страшно разволновавшаяся, увидев удостоверение, но я ее сразу успокоил, сообщил, что муж ее гражданин достойный и никто никаких пре-

тензий к нему не имеет. И тогда она направила меня на вагонный завод.

— Там он сейчас, на складе. Проходную увидите, но там открыто всегда. Вот как в ворота въехали, так вот так, — она показала рукой, — и вот так потом. И прямо склад и будет, там вывеска «Горснаб».

— Понял, спасибо большое.

Может, и хорошо, что машину взял. Походить пришлось бы, я чувствую.

Вагонный завод даже как-то работал, похоже, потому что из цеха доносились характерные звуки работы по металлу, а по подъездным путям цеха катил маленький маневровый с двумя платформами металлоконструкций. Гражданин Бутин, оказавшийся высоким и худым мужиком лет тридцати, нашелся, где жена и сказала, у склада, сидящим на бампере своего «зилка». Он с любопытством посмотрел на подъехавшую машину, а когда я из нее выбрался, сразу спросил:

— Гены Дроздова машина, нет?

— Точно. Была. Продал он ее. Вопрос у меня к вам есть.

Я предъявил удостоверение.

— Что за вопрос? — Бутин насторожился.

— Примерно четыре месяца назад, в апреле, у вас был рейс до Данилова Ярославской области и обратно, так?

— Вроде был, — ответил он осторожно.

— На обратную дорогу под село шесть человек, одна компания, только мужчины. — Я сказал это утвердительно, не в форме вопроса.

— Помню, подсели.

— Они с вами до Торжка доехали или сошли по дороге?

— До Торжка, точно.

Это уже хорошо, они там паспорта предъявляли. Это мало что значит на самом деле, бланков паспортов в любом пустом городе в милиции набрать можно, но все равно зацепка. Хотя бы узнаю, как они представляются там, где нужно быть осторожными.

— После КПП они с вами ехали или пешком пошли?

— До площади Воробьева доvez. Там я сюда свернул, а они дальше пешком пошли. А в чем проблема?

— Проблема в том, что бандиты это, убийцы. Ищем их.

— Ох ты ж... — Бутин крякнул и в задумчивости почесал затылок. — Прямо чувствовал, что брать их не надо, бандиты натуральные, просто я бы не взял, они бы к другим подсели. Восемь машин шло в колонне.

— Да к вам никаких претензий и нет. Вы сами с ними не разговаривали?

— Нет. Я же за баранкой, они в кузове. Даже и не видел, считайте. Но с виду точно бандиты, все с «калашами».

Я вытащил объявления о розыске, показал ему:

— Этих среди них видели?

— Вот этого видел. — Он уверенно ткнул пальцем в портрет Шиги. — Был такой волосатый, в «петушке» олимпийском.

— Еще кого-нибудь помните?

— Худой такой был, лет... ну не знаю, как вам, наверное. Нос сломан, прямо сплюснен, и вот так шрам в углу рта, в серой кепке такой простой, — он показал на себе пальцем. — Он у них за старшего был, точно. Он и договаривался. Да, все пальцы в перстнях, аж

синие. Вот на этом, — он показал средний на правой руке, — «дорога на малолетку». Видел такие раньше.

— Как они его звали, не помните?

— Нет, может, и вообще никак не звали.

— Приметы других?

— Нет, — покачал он головой, — не присматривался особо. Только этих двоих запомнил.

— Понял, спасибо за помощь. — Я протянул ему руку. — Всего хорошего.

— Вы извините, что так вышло, — развел он руками.

— Да что вышло? — отмахнулся я. — Не вы, так другой подвез бы. Все нормально.

От вагонного поехал на КПП, где пришлось минут десять ждать сначала начальника смены, а потом ждать, пока тот дозвонится до оперов и те подтвердят мои полномочия. Но дальше уже знакомая тетка достала журнал регистрации и довольно быстро нашла нужную запись.

— Вот эти, похоже, все вместе записывались. Как раз шестеро подряд, — она ткнула пальцем в несколько строчек, выписанных почти каллиграфическим почерком. — Перед ними женщина, за ними тоже. А больше, так чтобы подряд, и нету.

Разумно.

— Я выпишу данные?

— Пишите, не жалко. — Она подвинула журнал ко мне.

На всякий случай и данные соседей по списку взял. Пусть будут. Мало ли что.

— У вас на мотовоз как садятся? По паспорту?

— Да, только по паспорту, все как здесь.

— То есть записывают все? — уточнил я.

— Обязательно записывают.

— Спасибо. А где платформа у вас?

— На Энгельса, где переезд. Раньше за городом была, но перенесли. Знаете, где Энгельса?

— А подскажите.

— Где вагонный завод, знаете?

— Знаю. Был там.

— Не доезжая дотуда немного, там такой дом длинный, весь первый этаж магазины, а потом поворот направо. И там упретесь.

— Еще раз спасибо.

Тогда на платформу, попробую там уточнить. Дату заезда уже знаю, так что посмотрим ближайший мотовоз с нее. Ничего сложного.

Опять втиснулся в свою коробочку. Когда-нибудь привыкну, наверное, но пока очень уж странная посадка. Вытащил папиросу, смял, закурил, открыв ветровичок. «Луазик» весело затарахтел двигателем и бодро повез меня от КПП в сторону города. Да, удачно я его взял, так бы весь день пришлось пешком топать. Городишко хоть и маленький, но туда-сюда — и до вечера прогуляешь, а заодно и опоздаешь везде.

На улице асфальта уже почти что и не осталось, считай что по грунтовке еду. Опять смесь пятиэтажных хрущевок и частного сектора. Свернул направо, покатил по очередной улице. Заметил мебельный, в котором, кажется, именно мебелью и торговали. Как у них со сбытом, интересно? Только на новых богатых рассчитано? Тут половина мужиков точно предпочтет мебель самим сделать, да и стоит она потом долго, что покупать? Или это мастерская? Ладно, раз открыты, то кто-то покупает. Парикмахерскую

надо бы найти, кстати, давно пора. Длинная кирпичная пятиэтажка поновей, вот она явно плотно заселена. Наверно, планировки получше, вот народ и расхватал жильё.

А вот и длинный дом с магазинами, как женщина с КПП и сказала. За ним направо. Пятиэтажки, затем слева стоянка попалась, действующая, со сторожем или кто там у них на воротах. Вот тут и можно, получается, машину оставить. Ну вот, как раз переезд, а справа от него платформа. Деревянная, на кирпичных столбиках, уже «новой», так сказать, работы. Мимо неторопливо протащился какой-то железнодорожный экипаж вроде платформы с кабиной и стрелой, груженный рельсами. Рельсы не новые, явно откуда-то сняли. А за платформой штабель деревянных шпал, пропитанных креозотом. Или чинят, или даже строят где-то ветку. У лестницы на платформу вагончик, на нем написано «Касса», а под листом стекла бу-мажка какая-то. Не расписание, часом?

Свернул с дороги, остановился, вытащил себя из кабины. Ну да, так и есть, расписание. Когда мотовоз на Вышний? А послезавтра, в восемь утра отправляется. Вполне нормально, мне подходит, все равно туда ехать придется. Максимум, что я смогу еще тут выяснить, так это где банда останавливалась. Хорошо если в гостинице, тогда можно будет о приметах расспросить, если помнят их там.

За главного в кассе сидел какой-то дедок в потрепанной железнодорожной форме. Я показал ему свое удостоверение, на что он кивнул и сказал:

— Предупреждали меня, опера наши с утра заскакивали. Даже портреты оставили, — он показал два снимка с лицами.

— Вот список из шести человек и дата. — Я протянул ему выписку, взятую на КПП. — После этого дня когда первый мотовоз был? Мне бы проверить, отправлялись такие или нет.

— А глянем сейчас, найдем. — Он выдвинул ящик стола и вытащил оттуда журнал. — У нас порядок, все ходы записаны, не сомневайтесь.

Я и не сомневался, глядя на солидного дедка.

— До этого всего где работали?

— Да здесь и работал, на электричке, машинистом. Не совсем здесь, ну ты понял. Так, вот нужный день. — Он нашел страницу. — Были такие. Все шестеро. В Вышний Волочек отправились, прямо так, хором.

— Сами их не запомнили, часом?

— Нет. Не помню, — дед покачал головой. — Со всем не помню.

— Ладно, спасибо за помощь.

Теперь в гостиницу. Их в городе две, одна знакомая уже, у рынка, вторая вроде как попримичней и подороже, «Торжок» называется, на Карла Маркса. Вот, кстати, такое ощущение, если по названиям улиц судить, что до революции в Торжке жизни и не было. И самого Торжка не было, даром что это один из самых древних городов в России, тут всегда жизнь ключом била. Пока только что улицу Пушкина видел, так Пушкина в каждой деревне имеется. Или имелась. А Маркс про Торжок отродясь не слышал, а поди же ты, улица. И Энгельсу отдельную выделили.

Так и поехал, с Энгельса на Маркса через Дзержинского. И вскоре подкатил к обшарпанному двухэтажному старому зданию, на первом этаже которого, тем не менее, размещался «Ресторан «Торжок». Не

тут ли местное купечество по вечерам собирается? Перед гостиницей сразу четыре машины, «Нива», серый «уазик» и сразу две черные «Волги». Это уже точно свет местный, потому что «Волга» может только по городу и кататься, а кататься по городу, как я уже говорил, смысла нет. Исключительно себя показать. Я приткнул свою тарактелку к крайней машине и направился, затушив папиросу каблуком, в подъезд.

Внутри гостиница выглядела... как любая запущенная провинциальная гостиница для командированных. Стойка с табличкой «администратор», за стойкой тетка с высоченной прической «вшивый домик» и огромными серьгами. Широкое лицо, яркая помада, яркий лак на длинных ногтях на толстых пальцах. Это порода такая специальная, наверное, подобные всегда гостиницами и правили. Сразу захотелось сунуть червонец в паспорт, чтобы номер нашелся, даже если в гостинице половина номеров пустые.

— День добрый. — С ней я сразу начал с удостоверения. — Вопросы к вам имеются.

— Ко мне? — Она чуть опешила. — За что?

— Вопросы, я сказал, не претензии покуда. Вот этого числа вот эти люди могли заселиться в гостиницу. — Я показал ей список. — На два дня. Проверьте, будьте так любезны.

— А что они натворили? — тетка насторожилась.

— Бандиты это. Убийцы. Так что давайте регистрацию постояльцев проверим.

Гостиница городская, так что тут правила должны быть железные. Но тетка смутилась. Сильно.

— Что? — спросил я.

— Не было у нас таких. — Та вдруг чуть не рывкнула. — Не заезжали.

Понятно. Так заселила, просто денег взяла. Но сейчас упрется, если с ней спорить начать. Так что я просто сказал:

— Как хотите. Дальше будете объяснять понятно кому, да? Свидетели есть их заселения, я сюда не просто так пришел. А учитывая, что это особо опасные преступники, на этом можете с работой прощаться. Всего хорошего, — я развернулся и пошел к выходу.

Окликнет или нет?

Окликнула.

— Сергей Павлович!

Ты гля, запомнила даже отчество с удостоверения, даром что мельком глянула. Если она их помнит, то может и полезной оказаться.

— Что? — обернулся я.

— Потерялся у нас старый журнал регистрации, — тетка зачастила, — но я их вспомнила, вот прямо сейчас вспомнила.

— Да? — переспросил я недоверчиво. — Вы уверены?

— Совсем уверена, с места мне не сойти!

Я вернулся к стойке.

— Вас как зовут?

— Тамарой. Тамара Сергеевна, Поляшова. Можно Томой звать.

— Тамара Сергеевна, вы без регистрации заселили особо опасных преступников, — проигнорировал я предложение перейти на дружеский стиль общения. — Деньги положили себе в карман. Тихо! — Я поднял руку, прервав ее, когда она собралась возразить. — Но я хозяйственными делами не занимаюсь, так что вам лучше дать самые подробные показания. Постарайтесь.